

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ПОЖИЛЫХ РОССИЯН В КОНТЕКСТЕ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ

Оксана Анатольевна Парфенова
(oparfenova2023@yandex.ru),
Константин Александрович Галкин
(Kgalkin1989@mail.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Парфенова О.А., Галкин К.А. (2023) Социальная активность и участие пожилых россиян в контексте активного долголетия. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(1): 200–223.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.8>. EDN: MIXCWZ

Аннотация. Анализируется социальная активность и участие пожилых людей в контексте активного долголетия. Исследовательская задача состояла в реконструкции репертуара социальной активности/участия современных пожилых россиян и тех смыслов, которые они вкладывают в эту активность, и ответе на вопрос о том, как эта активность вписывается в концепцию активного старения (долголетия). В анализе мы делали акцент на практиках и приписываемых им значениях и смыслах среди двух возрастных групп информантов. Полученные результаты сопоставляли с индексом активного долголетия (ИАД) как наиболее популярным инструментом для определения активности пожилых. Эмпирическую базу составили 28 глубинных интервью с людьми старше 60 лет. Данные нашего исследования демонстрируют гораздо более богатый репертуар социальной активности и участия пожилых, нежели тот, который предполагается учитывать в рамках ИАД. При этом существенных различий в формах активности между работающими и неработающими пожилыми в возрасте 60–75 лет не обнаружено. На репертуар активности влияет возраст — после 75 форм активности становится меньше, и она дрейфует в сторону приватной жизни (семья, забота о внуках и родственниках) и дачных забот, оставляя ностальгию взамен утраченных возможностей. Пожилые 75+ не стараются вернуть прежние активности, а, наоборот, стремятся к рутинизированной повседневности и вовлечению в семейные дела, а также к повседневным делам и хобби, которые позволяют чувствовать вовлеченность в социальную жизнь. Отсрочка старения в группе 60+ связана с сохранением активности на уровне среднего возраста и замещением утраченных активностей в случае окончания трудовой деятельности. Предписанность и формализованность способов оценки активности (в частности, ИАД) не учитывает реально существующий широкий репертуар социальной активности и участия пожилых, а также не позволяет реконструировать индивидуальные смыслы и значения активности и связать это с общей удовлетворенностью жизнью.

Ключевые слова: социальная активность пожилых, активное долголетие, индекс активного долголетия, теория активности.

Введение

Концепция активного долголетия¹ (active ageing) подразумевает оптимизацию возможностей в области здоровья, безопасности и социального участия с целью повышения качества жизни людей по мере увеличения их возраста². Слово «активный» в данном случае не только и не столько предполагает физическую активность или участие в рынке труда, но и относится к постоянному участию в социальной, экономической, культурной, духовной и общественной жизни. Пожилые люди, ушедшие на пенсию, и те, кто болен или имеет ограниченные возможности, могут продолжать вносить ценный вклад в жизнь общества на уровне семьи, сверстников, местных сообществ и т.п.²

Применение концепции активного долголетия к социальному исследованию возраста породило новую парадигму рассмотрения старения, которая сменяет принятые нормы и способствует переходу от хронологических, медицинских детерминант старения к конструктивистским, неолиберальным (Галкин 2022; Колосничина и др. 2016). Между тем эта концепция, появившаяся изначально для улучшения и развития социальной политики в отношении пожилых людей, все чаще становится предметом критики со стороны социальных ученых и практиков. Критика обусловлена тем, что концепция активного долголетия не учитывает в полной мере интересы самих пожилых и региональные особенности для реализации активностей пожилыми в различных регионах и странах с разным социально-экономическим развитием (Polivka 2011). При разработке политики активного долголетия отмечаются проблемы трансляции ключевых положений «сверху-вниз» и слабая обратная связь усугубляется рисками исключения пожилых с «неблагополучным» бэкграундом.

Одним из решений видится разработка гибких политик с учетом региональных особенностей внутри одной страны (Principi et al. 2021). Второй важный аспект критики касается предписанности активности и ролей. Одним из главных тезисов политики активного долголетия вы-

¹ В русскоязычном варианте слово «старение» в официальном и академическом дискурсах преимущественно заменили на «долголетие» (активное долголетие, здоровое долголетие и т.п.). По мнению исследователей, прямой перевод active ageing как «активное старение» считывался бы как слишком быстрое, ускоренное старение (Sidorenko, Zaidi 2013). Этот же аргумент содержится в русскоязычном варианте методических рекомендаций по расчету индекса активного долголетия. В статье мы также используем термин «долголетие».

² Active Ageing. A Policy Framework. A contribution of the World Health Organization to the Second United Nations World Assembly on Ageing, Madrid, Spain, April 2002.

ступает постоянная приписываемая и нередко сконструированная необходимость активности пожилых, которая связана с тем, что они вовлекаются в различную деятельность, стимулирующую их к интеграции в социальную жизнь (Григорьева и др. 2020). Что касается ролей, то в настоящее время нельзя говорить об устойчивых паттернах активного старения в российском обществе по целому ряду причин. Так, от пожилой женщины в большей степени ожидается что она будет играть роль бабушки, нежели вести активную социальную жизнь, и эти предписанные сценарии зачастую способствуют низкому социальному статусу пожилых женщин (Григорьева 2018). Номинирование пожилых как уязвимой группы в период пандемии вывело на передний план биологический возраст и способствовало росту эйджизма и снижению социальной активности пожилых (Синявская 2020; Киенко 2021).

Для мониторинга процесса старения был разработан и внедрен в 2012 г. ААИ (Active Ageing Index), в русскоязычном варианте — индекс активного долголетия (ИАД)¹, включающий в себя четыре ключевых домена: занятость, участие в жизни общества, независимая, здоровая и безопасная жизнь, потенциал и благоприятная среда для активного долголетия. Впоследствии выработали методические рекомендации по использованию ИАД в странах, не входящих в ЕС². Эксперты из НИУ-ВШЭ совместно с коллегами из других организаций разработали концепцию активного долголетия для России, включающую в себя три этапа с 2020 по 2034 г., в ходе которых предполагается улучшать ключевые показатели всех доменов индекса активного долголетия с акцентом на увеличении ожидаемой продолжительности жизни, возможностях для оплачиваемой занятости и волонтерства и экономической независимости (Овчарова и др. 2020) Подсчеты ИАД в России, произведенные Росстатом поместили страну на 23 место (из 29)³.

В происходящих процессах мы выделяем два важных, на наш взгляд, аспекта. Первый аспект касается сути самого подхода, который предполагает возможность калькуляции основных показателей. Не отрицая саму идею создания подобного индекса и поддерживая стремление организовать мониторинг, который помогал бы в конечном итоге улучшать качество жизни пожилых, мы, наряду с этим, задаемся вопросом о том, насколько

¹ Active Ageing Index [<https://unece.org/population/active-ageing-index>].

² Guidelines for Active Ageing Index (AAI) in non-EU countries [https://unece.org/DAM/pau/age/Active_Ageing_Index/AAI_Guidelines_final.pdf].

³ Индекс активного долголетия. Росстат [<https://rosstat.gov.ru/storage/2020/04-01/Hsusyebg/prez-1802.pdf>].

адекватны, универсальны и исчерпывающе предлагаемые показатели. Так, исследователи критикуют ИАД за недостаточную концептуализацию и априорность ряда ключевых предположений (о потенциале и предпочтительных сферах активности пожилых людей) (De São José et al. 2017). Проверка некоторых параметров активного долголетия на материалах проекта SHARE (Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe) показывает, что только некоторые виды деятельности (волонтерство, физическая активность и участие в клубах) повышают качество жизни, а уход за членами семьи, напротив, имеет противоположный эффект. Кроме того, больший эффект на качество жизни оказывают возраст, состояние здоровья и экономическая ситуация (Lakomý 2021). О неполноте ИАД оговариваются и сами разработчики методических рекомендаций по его подсчету. В частности, касательно параметра волонтерства в рекомендациях отмечается: «Исходный вопрос не включает неформальную волонтерскую деятельность (т.е. деятельность, осуществляемую вне волонтерских организаций). Это может приводить к недооценке такого вклада на территориях, где отсутствуют волонтерские структуры и организации»¹.

Второй важный аспект касается индивидуальных интерпретаций активности и ее роли пожилыми людьми. Закономерен вопрос о том, почему пожилым людям нужно непременно участвовать в предписанных им активностях, если они сами видят более предпочтительными для себя другие формы деятельности и участия, которые с точки зрения самой концепции не могут существенно улучшить интеграцию пожилых людей в социальную жизнь, коммуникации и взаимодействия?

Задача статьи — на примере качественных эмпирических данных (интервью) реконструировать репертуар социальной активности/участия современных пожилых россиян и те смыслы, которые они вкладывают в эту активность, обозначить факторы, влияющие на активность, и ответить на вопрос о том, как это вписывается в концепцию активного старения (долголетия).

Концептуальная рамка исследования

Теория активности и удовлетворенность жизнью

Концепция активного старения (active aging) базируется на более ранней концепции «успешного старения» (successful aging), предложенной

¹ Индекс активного долголетия (ИАД) в странах за пределами ЕС и на субнациональном уровне. С. 20 [https://unece.org/sites/default/files/2021-07/AAI_Guidelines_final_RUS.pdf].

Робертом Хавигхерстом, который одним из первых сформулировал вопросы о критериях успешного старения. В качестве теоретического обоснования успешного старения выступают две конкурирующие теории. Первая — теория активности (*activity theory*), предполагающая сохранение так долго, как это возможно, активностей и установок среднего возраста. Вторая — теория разъединения (*disengagement theory*), предполагающая отстранение от активной жизни с наступлением возраста. Уже в начале 1960-х годов геронтологи в западных странах придерживались в работе теории активности (Havighurst 1961). С середины 1970-х годов теория активности выходит на новый уровень, который обеспечивается различными исследованиями, а также развитием и использованием теории для описания стратегий социальных политик. Сама теория претерпевает ряд концептуальных изменений, связанных прежде всего с развитием символического интеракционизма и его интегрированностью в изначально практический аппарат теории активностей (Formosa 2020; Versey 2015). Так, Б. Лемон и коллеги с середины 1970-х годов, используя концепты символического интеракционизма, формируют идеи о том, что необходимость поиска различных занятий и возможностей для поддержания пожилыми людьми активности напрямую зависит от желания получить удовольствие и удовлетворение, и именно на это направлены взаимодействия в рамках различных видов деятельности (Lemon et al. 1972). Основной механизм получения удовлетворения, который описывают в теории активности Лемон и коллеги, основывается на замещении утраченных ролей на новые роли, в рамках которых пожилые люди могли бы получать необходимую поддержку в том, чтобы коммуницировать, быть мобильными и интегрированными в социальную жизнь. Это, в свою очередь, способствует повышению самооценки, которую исследователи называют главным компонентом в получении удовлетворения и, как следствие, создании наиболее комфортных условий для пожилых людей, минимизации психологических сложностей и проблем, связанных со снижением активности пожилых (Lemon et al. 1972).

Обозначая ключевые структурные линии теории активности, которые связаны с получением удовольствия, Лемон при изучении активности пожилых людей выделяет ключевые направления, в рамках которых происходит интеграция пожилых в социальную жизнь. Эти направления включают в себя формальные активности, которые связаны с мероприятиями, проводимыми в рамках социальной политики, и локальными инициативами, например занятиями спортом или посещением музеев и экскурсий, организованных муниципалитетами или социальными службами. В рамках формальной деятельности происходят межличностные

взаимодействия с другими людьми, а также взаимодействия с друзьями и членами местного локального сообщества (Lemon et al. 1972; Formosa 2020). Неформальные активности, или, как их называет Лемон, активности одиночные, включают в себя такие занятия, как прослушивание радио- и телепередач, определенные хобби, а также близкое общение пожилых людей с семьей и наиболее близкими друзьями (Lemon et al. 1972; Versey 2015: 11). При этом именно неформальная деятельность обладает наибольшими ресурсом и возможностями для повышения удовлетворенности пожилых людей и социальной интеграции ввиду наиболее комфортных условий коммуникации и тесного характера общения и взаимодействия. Следовательно, именно неформальное направление активностей пожилых людей выступает наиболее полезным ресурсом, обеспечивающим возможности для самореализации (Lemon et al. 1972; Formosa 2020).

Потеря прежних активностей и, как следствие, удовлетворенности жизнью связана с переходом в более старшие возрастные когорты (Lemon et al. 1972; Formosa 2020). Одним из наиболее важных предположений, которое высказывает Лемон, выступает идея своеобразной отсрочки возраста пожилых людей через сохранение активностей среднего возраста. Именно средний возраст с позиции теории активности становится ключевым в контексте активного долголетия.

Таким образом, теория активности предусматривает «отсрочку» возраста пожилых людей и продление среднего возраста, который предполагает постоянное соответствие необходимому уровню активностей и, как следствие, сохранение условий жизни и состояния, характерных для среднего возраста (Bengston 2009; Formosa 2019). Речь идет, в частности, о продолжении профессиональной занятости, мобильности и обучения пожилых людей, а также о развитии коммуникаций, которые создают и задают возможности для сохранения активности на уровне среднего возраста. Это способствует отсрочке перехода к категории «пожилые люди», которую адепты теории активности обозначают как наиболее разрушительную, связанную с постепенной потерей интеграции в социум, а следовательно, с потерей возможностей, которые предоставляет жизнь для людей в период среднего возраста (Harris 2003).

В данной ситуации становится отчетливо заметной поверхностность концепции активного долголетия и, как следствие, отсутствие рефлексивных возможностей и индивидуально нацеленной оптики теории активности. Так, важным предметом критики теории активности выступает идея о том, что пожилые люди, особенно из более старших возрастных когорт, не хотят замещать прежние виды деятельности, которые были утрачены ввиду особых состояний здоровья или вследствие выхода на пен-

сию, и ищут активности в других рутинизированных делах (Biggs et al. 2020; Wild 2013). Удовлетворенность жизнью как ключевая категория теории активности в данной ситуации связана не только с количеством, но и с видом деятельности, которая приносит удовлетворение. И эти формы деятельности могут быть не связаны с основными и мейнстримными представлениями об активностях пожилых людей, которые трансформируются в рамках концепции активного долголетия.

Одним из основных инструментов для измерения активности долголетия является индекс активного долголетия (ИАД). Исследования показывают, что тип деятельности пожилых людей не всегда может быть посредником между удовлетворенностью жизнью и активностями самих пожилых. Например, опыт одиночества и уединения не всегда воспринимался пожилыми людьми как эмоционально негативный и включал в себя поиск интересных занятий, размышления и отдых, прогулки и чтение газет (Versey 2015; Елютина, Трофимова 2017). Удовлетворенность жизнью включает в себя множество различных факторов, которые связаны в том числе с индивидуальными представлениями и возможностью выбора пожилыми людьми различных видов деятельности, состоянием здоровья и финансовым состоянием пожилого человека, которое может отличаться в зависимости от различных возрастных когорт (Formosa et al. 2019).

В настоящий момент вопросы социальной активности, поиска новых практических решений и теоретических размышлений связаны со старением бейби-бумеров. Исследователи отмечают, что поколение бумеров, представители которого сегодня выходят или уже вышли на пенсию, задает сразу несколько новых аспектов в осмыслении их роли в контексте интеграции в социальную жизнь и использования ресурсов. С одной стороны, стареющее бумеры создают новую демографическую повестку, а именно численное сокращение активного населения на 1–1,5 миллиона человек в ближайшее 30 лет (Knickman et al. 2002; Шабунова и др. 2015; Novak 2018). С другой стороны, именно поколение бумеров может быть определено как наиболее активное поколение пожилых. Так, вступая в пенсионный возраст, бумеры (как правило, из больших городов и городских агломераций) находятся на пике своей карьеры и часто являются ценными специалистами, имеющими огромный ресурс для развития и продолжения работы (Zacher et al. 2018). Другим немаловажным критерием, характерным для бумеров, выступает накопление сбережений, а следовательно, и большая финансовая независимость (North 2019). Это дает им возможность быть автономными, самостоятельно проектировать свою жизнь и задавать особенности своей активности. Такие поколенческие и демографические трансформации определяют два основных вызова

социальной политики и концепции активного долголетия. Первый связан с поиском новой модели отсрочек, или откладывания, своего старения и возраста, а следовательно, индивидуального понимания активностей. Второй — поиск нового осмысления возраста как нелинейной и заданной категории.

Немаловажным компонентом выступает индивидуальное представление о том, как должна формироваться активность и какие повседневные занятия в нее включать. Эти представления во многом обусловлены принадлежностью к определенной возрастной когорте, культурой страны или сообщества, представлениями о возрасте и старении и т.п., которые индивидуальны для каждого пожилого человека. Данные исследований в европейских странах констатируют повышение уровня счастья у людей 50+ от разного рода активностей — формального (волонтерства) и неформального (общение с родственниками и друзьями), при этом неформальная активность оказывает большее положительное влияние (Синявская и др. 2019). Можно предположить, что схожие результаты будут и в России, хотя сравнить «один к одному» не удастся — уровень участия в волонтерских инициативах пожилых в нашей стране гораздо ниже. А предписанные роли и общественные ожидания, о которых шла речь выше, скорее будут диктовать отличающиеся от среднеевропейских сценарии активности и «успешной старости».

В статье мы рассматриваем концепт активности, ориентируясь на множественность различных смыслов, представлений и повседневных дел пожилых людей, которые формируют такого рода активность. Мы показываем ограниченность калькулирующих формализованных способов определения «активности» жизни в пожилом возрасте на примере ИАД.

Методология исследования

Исследование является частью большого проекта, посвященного отложенному старению. Раздел проекта, выполненный с помощью качественной методологии, включал в себя глубинные полуструктурированные интервью, посвященные различным аспектам жизни пожилых информантов. Одно из ключевых исследовательских интересов и направлений в интервью — социальная активность. В 2022 г. проведены 28 полуструктурированных интервью с пожилыми¹, среди которых 21 женщина и 7 мужчин. Большинство информантов имеют высшее образование (20 человек) и заняты (или были заняты) умственным трудом. Информанты проживают преимущественно в городах (в основном в Санкт-

¹ Под пожилыми в исследовании понимаются люди старше 60 лет.

Петербурге, несколько человек в Петрозаводске, Тюмени и Салехарде), несколько человек из сельской местности (Республика Карелия). Условно можно выделить две возрастные группы: 60–75 лет (20 информантов) и 75+ (8 информантов). Большая часть интервью было взято лично, небольшая часть онлайн (с помощью Skype). Поиск информантов осуществлялся на основании целенаправленной выборки. Критерием для определения количества интервью послужило теоретическое насыщение, предусматривающее проведение интервью до тех пор, пока не обнаружится, что новые нарративы повторяют предыдущие. Тип выборки, используемый в исследовании, — целенаправленная. Информанты отбирались на основании обоснованных убеждений исследователей в том, что они наилучшим образом подходят для исследования и соответствуют его задачам. Это означало достаточный статус здоровья, позволяющий иметь социальную активность в различных формах. Такой отбор информантов способствовал описанию и пониманию индивидуальных репертуаров активностей пожилых людей различных возрастов. Валидность данных обеспечивалась методом триангуляции исследователей. При работе с интервью нарративы анализировались несколькими исследователями, имеющими различный профессиональный бэкграунд, что позволило получить проверяемые и достоверные выводы относительно репертуаров активностей пожилых людей (Denzin 2017). Количество работающих и неработающих информантов одинаковое — по 14 человек в каждой группе. Такое соотношение вызвано тем, что при анализе материала мы сравнивали обе группы между собой, поскольку предполагали различия в практиках активности. Кроме того, мы проводили сравнение между разными возрастными группами 60+ и 75+. Стоит отметить, что в группу 75+ входили преимущественно неработающие пожилые и она составляла почти половину от общего числа неработающих информантов.

В анализе представлены несколько направлений активности. Они синтезированы на основе теории активности и параметров ИАД. В части теории активности мы опирались на предложенное Лемоном разделение на формальную и неформальную активность. Из ИАД мы использовали параметры, входящие в домен «социальное участие»: волонтерская активность, забота о детях и внуках, уход за инвалидами, политическое участие. В итоге у нас получилось четыре тематических блока, более или менее полно отражающих репертуар активностей наших информантов: коммуникация и взаимодействие; семья и семейная забота; хобби, мобильность и саморазвитие; волонтерство и практики участия. Для анализа интервью использовался тематический анализ, с помощью которого мы выделяли различные факторы, влияющие на активность пожилых людей, сравнивая

их с обозначенными на основании теории активностей и ИАД тематическими блоками (Kvale 1996). В рамках тематического анализа мы последовательно проходили несколько ключевых этапов. Первый этап — выделение смысловых структур, которые стали основой для описания репертуаров активностей пожилых людей в повседневности. На этом этапе мы идентифицировали секвенции в нарративах интервью, отражающие ключевые темы исследования:

- индивидуальные факторы, влияющие на активности пожилых людей (и препятствия к этому);
- социальные факторы, влияющие на активности пожилых людей (и препятствия к этому);
- возраст и репертуары активностей, связанные с возрастом;
- семейные и трудовые активности в жизни пожилых людей.

Следующий этап связан с анализом нарративов об опыте и смысле активностей. На этом этапе анализа нарративов нами выделены ключевые субтемы, через которые сами пожилые люди описывали свои активности в повседневности.

Среди ключевых субтем выделялись следующие:

- продолжения рабочей коммуникации и сохранение контактов с коллегами;
- эскапизм и забывание о возрасте;
- ностальгия по утраченным активностям;
- вовлеченность в семейные дела и заботу о семье;
- хобби и вовлеченность в социальную жизнь в разных возрастах;
- коммуникация и круг общения пожилых людей.

Эти субтемы легли в основу систематизации репертуаров активностей пожилых людей, представленных в эмпирической части статьи.

К ограничениям исследования можно отнести невозможность полноценного сравнения репертуаров активности в разных контекстах (городском и сельском), поскольку большинство интервью взяты у горожан.

Результаты

Репертуар активности. Возраст как ключевой фактор

В начале исследования мы предполагали наличие заметных различий между активностью работающих и неработающих пожилых. Поэтому одной из первых задач для нас стало сравнение репертуара активностей работающих и неработающих информантов (две равные части в общем массиве интервью). В ходе анализа выяснилось, что значимых различий в репертуаре активности между работающими и неработающими прак-

тически не наблюдается. Наряду с этим мы обнаружили отличия по мере увеличения возраста. Таким образом, у нас образовались две группы, сформированные не по принципу занятости, а по принципу возраста — от 60 до 75 (куда входят как работающие, так и неработающие). Ее мы условно обозначили 60+. Вторая группа — все информанты старше 75 лет, которую мы обозначили как 75+. В собранном массиве 75+ составляют примерно четверть от общего количества информантов, все они являются неработающими пожилыми.

Репертуар активности группы 60+ достаточно широкий и включает в себя дачу (огородничество, садоводство); общение с родными друзьями и коллегами; неформальную помощь и заботу, адресованные родственникам или знакомым; досуговую активность (театры, музеи, концерты и т.п.); путешествия (внутри страны и за границу); благотворительность (пожертвования); благоустройство придомовой территории; взаимодействие с жилищными и иными службами для решения жилищно-коммунальных проблем; забота о внуках и старших родственниках; обучающие онлайн- и офлайн-курсы; занятия фитнесом или специальной гимнастикой (в организованных группах или самоорганизация); участие в оформленных волонтерских объединениях; взаимодействие с различными организациями в качестве неформального волонтера; участие в экологических акциях (сбор мусора, сдача вторсырья и т.п.); рыбалку.

Профессиональная занятость не влияет значимым образом на репертуар активности. Единственная отличительная особенность неработающих информантов 60+ — это акцент на вовлеченности в коммуникацию с бывшими (как правило, недавними) коллегами и отдельные единичные проекты на работе (на добровольных началах). Работающие информанты за редким исключением (пожилого мужчины, работающего вахтовым методом) не аргументируют низкую социальную активность трудовой занятостью. Скорее, наоборот, активность вне работы вполне органично дополняет их участие в рынке труда. Исключением выступают специальные курсы для пожилых, организуемые, как правило, при библиотеках, социальных центрах и т.п. Их работающие информанты обычно не посещают. В качестве иллюстрации приведем одну из цитат:

Нет, пока нет такой потребности [посещать занятия для пожилых]. Хотя, если уйду совсем, брошу работу, наверное, пойду, для пенсионеров есть всякие кружки, скандинавской ходьбой займусь обязательно, буду ходить, конечно. Но сейчас нет ни времени, ни возможности, ни желания куда-то ходить дополнительно (женщина, 67 лет, Санкт-Петербург).

Фактором, ограничивающим в первую очередь досуговые формы активности, выступает и тип поселения. У негорожан репертуар рутинных досуговых активностей (театры, музеи, концерты и т.п.) ограничен, но посещать разные мероприятия и путешествовать они стараются при случае. Здесь свои коррективы внесла и пандемия, серьезно ограничив мобильность. Далее мы представим анализ разных форм активности в виде тематических блоков.

Коммуникация и взаимодействия

В данном блоке мы анализируем формы коммуникации и взаимодействия. Сюда входит как общение (любое), так и разные формы взаимодействия (от жилищных служб до соседей по дому).

Для пожилых людей в возрасте 75+ отчетливыми становятся дефицит в общении и коммуникации, а также сожаление о невозможности заменить прежнюю коммуникацию, которая была преимущественно на работе и с выходом на пенсию стала недоступной для них. Информанты отмечают, что коммуникация на сегодняшний день сводится в основном к общению с родственниками и друзьями и часто имеет не регулярный, а эпизодический характер.

Друзья какие? Соседи по дому. Соседей нет, потому что каждый прибегает, закроет дверь, начинает кого-то кормить, стирать, убирать. Некогда общаться. Вот только остается общение, которое с подружками, которые были у тебя на работе, или подружки с института. Это счастье, если они живы. У меня, например, нет ни одной институтской подружки. Они умерли. Двое уехали, правда, за границу, а трое умерли. О школьных я не говорю. До 80 лет не каждый доживает. У меня остался круг общения. Очень небольшой (женщина, 88 лет, Санкт-Петербург).

Для людей в возрасте 75+ в практиках коммуникации отчетливо видно, что коммуникация с друзьями и знакомыми не приносит привычного удовлетворения и, как правило, играет роль фоновой. Наряду с этим происходит естественное ограничение круга общения со сверстниками (по причине болезней и смерти), что трансформирует коммуникацию.

Для группы 60+ отчетливо заметно разделение в коммуникации и взаимодействии на сохраняющуюся формальную коммуникацию и активности, связанную с текущим или предыдущим местом работы и взаимодействием с коллегами, и неформальную коммуникацию с родственниками и друзьями, которая является персонифицированной. Отдельно

подчеркнем, что для информантов, относительно недавно вышедших на пенсию, характерно сохранение канала коммуникации с коллегами по работе, взаимодействие с ними, что, в свою очередь, способствует сохранению прежних активностей, которые, как отмечают сами пожилые люди, остаются по-прежнему значимыми для них, несмотря на выход на пенсию. На фоне этого у неработающих информантов 60+ коммуникация с родственниками и семьей даже выходит на второй план, а коммуникация с коллегами и друзьями по работе становится основной, поскольку способствует получению удовлетворения и замещению активностей, которые существовали ранее, до выхода на пенсию.

Анализ нарративов интервью показывает нехватку общения среди пожилых людей 75+ и появление феномена семейной изоляции, который связан с тем, что пожилые более старших возрастов ограничены семейным общением, которое они зачастую рассматривают как единственно возможное. При этом в нарративе присутствует тема сожаления, которая связана прежде всего с тем, что с возрастом для пожилых 75+ утрачивается возможность активного общения и взаимодействия. В результате доминирующей ценностью становится наличие близких людей и возможностей для общения с ними, что позволяет быть включенными в жизнь. В качестве регулярной коммуникации иногда выступает общение с одним или двумя друзьями. Важным компонентом общения для группы 75+ выступает именно помощь, возможность получения необходимого совета или поддержки, в том время как для группы 60+ общение чаще связано с профессиональной занятостью, увлечениями и хобби, а в случае неработающих и с квазипродолжением трудовой деятельности с попытками давать советы относительно работы.

Другим примером формального взаимодействия (помимо профессиональной занятости) выступает общение с различными службами и инстанциями, которое практикуют некоторые информанты. Хотя, стоит отметить, что здесь нет единой картины. Диапазон активности широкий — от вовлеченного участия до пассивной позиции. Ярко эти две позиции иллюстрируют выдержки из двух интервью. Один из информантов, приводя аргумент в пользу пассивной позиции, говорит о конфликтном потенциале социальной активности на примере своего подъезда/двора.

Участвую ли в организации общественной жизни? Нет. Понимаете, я сейчас скажу вам. <...> Есть желание сделать — сделаешь. Но когда на то, что ты сделаешь, плюют, не хочется делать. <... > Поэтому конфликт. А нужен ли мне этот конфликт? Я не боюсь конфликтов. Но что изменится? Потрачу нервы, поругаюсь с соседями.

Зачем мне это нужно? Я не хочу этого. Поэтому я этим не занимаюсь, неинтересно (мужчина, 62 года, Петрозаводск).

Другая информантка, напротив, занимая активную позицию, рассказывает о своем взаимодействии с управляющей компанией дома и жильцами.

У нас такая управляющая компания, я там активно принимала участие, чтобы переизбрать кого-то. Голосовала, рассказывала, рассказывала, как нужно брать деньги с арендаторов. И теперь, слава Богу, эта управляющая компания очень хорошо работает. Починили крыльцо, что-то сделали. Я считаю, что внесла свою лепту в благоустройство дома, добившись смены председателя, который ничего не делал, на тех ребят, которые болеют за дом и делают. <...> Однажды вышла на субботник. Призвала всех на собрании, которое было еще личное, и мы с соседкой копали траву, сеяли. Есть кусочек газона, который у нас перед подъездом, где мы засеяли травой (женщина, 69 лет, Санкт-Петербург).

Таким образом, мы видим разные возможные сценарии взаимодействия с внешними акторами. Для кого-то такое взаимодействие будет носить конфликтный потенциал и не принесет удовлетворения, а для кого-то — ровно наоборот. Это лишний раз подчеркивает значимость индивидуальных ценностных установок и интерпретаций и их влияние на активность и оценку ее последствий.

Семья и семейная забота

Для группы 60+ наиболее характерным выступает проживание в собственной супружеской семье, и сама забота ориентирована на помощь супругу или супруге, а также на эпизодическую помощь и поддержку внуков (особенно в случае с неработающими информантами). Информанты из группы 60+ рассматривали и оценивали семейную защищенность как умеренную, отмечая комфортность жизни в собственной семье. Так, ключевыми компонентами, приносящими удовлетворение и связанными с активностью пожилых людей в собственной семье, выступают возможность вести хозяйство, быть мобильными вместе с супругом или супругой, продолжать строительство и укрепление семейного быта. При этом семейную заботу у этой возрастной группы с точки зрения активности следует считать характерной и для среднего возраста, когда семья, как и забота в целом, для большинства людей встроена в повседневность и множество других активностей в жизни, связана с тем, что представлена определенными рутинизированными действиями, не замещающими

и не занимающими львиную долю активностей, но дополняющими определенные виды активностей пожилых людей.

Для представителей возрастной группы 75+ семья, как правило, очерчена границами семей детей или внуков, и они, несмотря на проживание отдельно, продолжают позиционировать себя включенными в эти семьи, стараясь искать именно там поддержку и помощь. Для пожилых 75+ характерным выступает потребность в защищенности. Семья в данном случае играет важную роль, создавая такую защищенность и, следовательно, способствуя помощи в быту для пожилых людей. Другим немаловажным компонентом выступает защита от внешних угроз, которые пожилые люди могут получить, находясь в семье и взаимодействуя с ней. Именно форма семейной защиты воспринимается как наиболее важная с позиции защищенности. Забота же в семье рассматривается пожилыми людьми из группы 75+ как приятная обязанность или активность, на основании которой у них появляется возможность участвовать в семейной жизни, быть частью семьи.

Хобби, мобильность и саморазвитие

Различные хобби и активности, связанные с мобильностью (путешествия) и саморазвитием (курсы, здоровьесберегающие практики), активно практикуются в группе 60+. Они вносят весомый вклад в разнообразие жизни, зачастую повышают уровень включенности, коммуникаций и взаимодействий, способствуют развитию когнитивных и эмоциональных функций и, как следствие, личностному росту. Также данные виды активности помогают преодолеть чувства одиночества, поднимают пожилого человека над обыденностью. Особенность неработающих информантов из группы 60+ в том, что их хобби в первую очередь связаны с продолжением трудовой деятельности или поиском такого занятия, которое способствует их вовлечению в активное участие. Как отмечают представители этой группы, сами хобби способствуют тому, что человек находится в добром здравии и связан с социальной жизнью и активностями, существующими в социальной жизни. При этом хобби могут быть связаны с обычными рутинными делами, освоением и использованием новой техники, общением в интернете, чтением.

Для пожилых из группы 75+ хобби способствуют преодолению герметичности и замкнутости на собственных переживаниях. И здесь хобби также служит способом поддержания когнитивных и эмоциональных функций.

На даче. Понимаете, я к огороду отношусь не просто, что это огород и цветник. Я все время что-то изучаю. Мне интересно научно ко всему этому подходить. Или потому, что я все-таки 34 года отдала науке. Летом я занимаюсь в основном здесь, на даче (ж., 88 лет, Санкт-Петербург).

При этом представители группы 75+ сожалеют в интервью о прошлых и ушедших хобби и вспоминают прежние увлечения и мобильность, которые приносили им удовлетворение. Сейчас, как отмечали информанты из данной возрастной группы, с учетом пандемии и проблем со здоровьем прежние активности и хобби стали практически недоступны, оставив взамен ностальгию по ним.

Резюмируя, можно сказать, что хобби и активности, связанные само-развитием и мобильностью, относятся к неформальным, персонализированным формам активности. Они воспринимаются пожилыми людьми как дополнение текущей реальности и один из способов преодоления исключения. Они способствуют продлению включенности в социальную жизнь. Вот как описывает роль разного рода активностей в своей жизни одна из информанток.

***Инт.** Что вам дают различные формы активности, которые у вас есть? И какой вы видите для себя в нем смысл?*

***Инф.** Смысл в том, что я могу приложить свои знания и получить новые от людей, которые рядом со мной. По крайней мере не ощущать себе на пенсии полностью, когда о тебе забыли все и всюду.*

***Инт.** А быть на пенсии полностью — это когда тебя забыли все и всюду?*

***Инф.** Абсолютно. Это человек ушел. Все, его нет (женщина, 66 лет, Санкт-Петербург).*

Волонтерство и практики участия

В ходе исследования мы обнаружили широкую включенность как работающих, так и неработающих пожилых в различные практики, направленные на помощь другим и участие в общественно-полезных инициативах. Диапазон волонтерского участия и помогающих практик довольно широк, начиная от систематического участия в волонтерских движениях и организациях и заканчивая участием в экологических акциях, инициативах на уровне дома/двора, ситуативной или регулярной помощи знакомым и незнакомым людям. Важно отметить, что далеко не всегда практики помощи другим сами информанты определяют как волонтерские.

У работающих пожилых 60+ волонтерство становится продолжением профессиональной занятости или увлечений. Некоторые информанты рассказывали о сотрудничестве с социальными центрами, в которых они устраивали бесплатные концерты и танцевальные мастер-классы для пожилых посетителей и клиентов стационарных отделений. Одна из информанток, профессиональный хореограф, рассказывает об опыте подготовки выпускного танца у школьников.

*В марте мне позвонила директор Дворца спорта нашего и говорит: «Ольга Андреевна, ** школа, 11-е классы, выпускники, директор просит помочь им поставить вальс прощальный». Они уже 11-й класс. Я, конечно, пошла. Там ребята, это же счастье. <...> Я прихожу, два больших класса, человек 40, сколько в классе там. Хорошо, актовЫй зал большой у них тоже. И все парами. И я им сказала: «Ребята, как мне повезло! Во-первых, вы знаете, где правая, где левая нога, не то, что малыши там, пять лет!» <... > И мы с ними пусть на невысоком уровне, но вальс выучили (женщина, 73 года, Санкт-Петербург).*

В группе неработающих 60+ волонтерство и практики участия воспринимались в основном как квазипродолжение профессиональной деятельности и помощь в работе. В данной ситуации такими активностями сами пожилые люди заполняли сразу несколько важных лакун, связанных с дефицитом активностей после выхода на пенсию. Одним из способов закрыть эти лакуны выступает неформальная помощь бывшим (уже) коллегам. Тем самым пожилые люди маркируют связи с социальным миром, отмечают важность таких связей и сохраняют вовлеченность в прежнюю трудовую деятельность. Такого рода неформальные волонтерские практики представляют собой своего рода эскапизм от семейных забот и восполнение нехватки активностей, которые пожилые люди испытывают в семье.

*После того как я ушла на пенсию, через три месяца ко мне на улице подошла директор из ансамбля «***» и сказала: «Тамара Борисовна, не хотите ли вы написать книгу об основателе ансамбля»? Я сказала: «Ну давайте я посмотрю, я раньше собирала материал, и давайте я посмотрю, возможно ли это». Вот так началась моя писательская карьера (женщина, 67 лет, Петрозаводск).*

Для группы 75+ волонтерские и помогающие практики связаны прежде всего с помощью знакомым и друзьям, а также соседям, которые проживают рядом. При этом подобную активность сами информанты описывают в интервью как приносящую удовлетворение и наиболее важным считают возможность коммуникации и взаимодействий в рамках таких практик поддержки.

Постольку-поскольку у меня есть родственники, которые очень трудно живут, вот им я пыталась помогать и пытаюсь. А так нет. Это нельзя назвать волонтерством, у меня соседке 96 лет, очень интересный человек. Я ее опекаю. Мы живем на одной площадке, у нас

очень хорошие отношения, мы часто вместе прогуливаемся по садику. Я ее опекаю просто. Она себе многого не может позволить, а я пытаюсь ее всегда чем-то и вкусненьким, и все такое. Я не знаю, это не волонтерство, это дружба (женщина, 88 лет, Санкт-Петербург).

Такого рода практики, которые пожилые люди не маркируют как волонтерские, играют важную роль в рамках понимания ими своих активностей. При этом локальная помощь и практики, связанные с коммуникацией и взаимодействием с другими людьми, отмечаются представителями данной возрастной группы как значимые и важные с позиции сохранения активности и наличия определенной сферы деятельности. Практики оказания неформальной помощи своим знакомым и поддержки их, родственников, соседей или просто чужих людей дают пожилым людям возможности для включения в локальную жизнь и помощь для трансляции своей эмпатии вовне. В конечном итоге практики, в которых пожилой человек не объект помощи (как это часто закреплено в стереотипных представлениях), а субъект, способствуют продлению ощущения субъектности и социальной значимости даже после прекращения профессиональной деятельности.

Таким образом, для информантов и 75+, и 60+ характерными являются неформальные практики волонтерского участия, через которые у пожилых людей появляются возможности для реализации своего потенциала. Практики волонтерства и включения пожилых людей, в которых участвуют информанты, носят как форму организованного волонтерства, так и неформальный, индивидуальный характер. Также индивидуальные смыслы, которые вкладывают пожилые в волонтерскую активность и их интерпретации собственной роли в нем, носят сугубо индивидуальный характер и часто не связаны с сетевым волонтерством и мейнстримными трактовками крупного волонтерства, которые зачастую призваны отражать степень участия при различных измерениях (в том числе в ИАД). Именно индивидуализированные и неформальные контексты волонтерской активности и участия становятся ключевыми в случае определения их значений и роли для обеих возрастных групп.

Заключение

Исследование позволило реконструировать широкий репертуар активностей и участия пожилых. Социальная активность разного рода имеет индивидуальное значение и смысл для разных информантов. Попытки с помощью индексов (в частности, ИАД) замерить и интерпретировать крайне скудный набор формализованных показателей и на основании

этого сделать заключение о степени «активности» долголетия в этом контексте не выглядят слишком информативными и многообещающими, поскольку не учитывают богатый репертуар активностей и участия, те индивидуальные смыслы и значения, которые им приписывают сами пожилые. Интерпретация роли и смыслов активности в жизни пожилых зависит как от возраста, так и от контекста, которые вместе создают возможности для индивидуальной реализации пожилыми людьми своих активностей. Важны индивидуальные ценностные установки, интерпретации и опыт. Один и тот же вид активности может иметь совершенно разные смыслы и значения для двух пожилых людей, и это неизбежно будет влиять на их готовность проявлять данный вид активности и на оценку ее последствий лично для них (например, она принесет удовлетворение или скорее разочарует).

Для группы 60+ активности связаны с эскапизмом и забыванием о своем возрасте, саморазвитием, путешествиями, активной работе на даче. Они в основном включены в продолжение рабочей коммуникации, взаимодействия, сохранение привычного общения даже после выхода на пенсию. Отсрочка старения в данной ситуации, исходя из теории активности, связана в первую очередь с тем, что пожилые люди группы 60+ часто продолжают сохранять активность на уровне людей среднего возраста, даже закончив трудовую деятельность.

Пожилые люди из группы 75+, наоборот, отмечают «ностальгические» чувства по утраченным прежним активностям. Представители данной возрастной группы не стараются вернуть прежние активности, а, наоборот, стремятся к рутинизированной повседневности и вовлечению в семейные дела, а также к различным хобби, которые позволяют чувствовать вовлеченность в социальную жизнь.

Актеры, разрабатывающие программы поддержки пожилых людей, должны учитывать различные возрастные особенности. Так, для наиболее молодых групп 65+ следует не создавать шаблонные типы активностей, а вовлекать самих пожилых в проектирование активностей, в целом подходить индивидуально к планированию жизненного проекта группы молодых пожилых. Для пожилых людей из группы 75+ при проектировании их социальной активности важно учитывать необходимость коммуникации, в первую очередь общения и встреч, которые носят терапевтический характер.

Выражение благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00461 (<https://rscf.ru/project/22-18-00461/>).

Литература

Галкин К.А. (2022) Социальная политика активного долголетия в России и государствах всеобщего благосостояния Европы: опыт сравнительного анализа. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 15(2): 239–252.

Григорьева И., Богданова Е. (2020) Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19. *Laboratorium: журнал социальных исследований*, 2: 187–211.

Григорьева И.А. (2018) Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера. *Женщина в российском обществе*, 1: 5–18.

Елютина М.Э., Трофимова О.А. (2017) Одинокое проживание и переживание одиночества в позднем возрасте. *Журнал исследований социальной политики*, 15(1): 37–50.

Киенко Т.С. (2021) Вторичные следствия ограничений и изоляции в условиях рисков COVID-19 для людей старшего возраста: синдемический подход. *Сохранение здоровья населения как глобальная проблема современности: материалы междунар. междисциплинар. науч.-практ. конф.* Омск: Русь: 116–119.

Колосницына М.Г., Хоркина Н.А. (2016) Государственная политика активного долголетия: о чем свидетельствует мировой опыт. *Демографическое обозрение*, 3(4): 27–46.

Овчарова Л.Н., Морозова М.А., Синявская О.В. (2020) *Концепция политики активного долголетия*. М.: Издат. дом Высшей школы экономики.

Синявская О.В., Червякова А.А., Карева Д.Е. (2019) Помогающие и счастливые? Влияние социальной активности на счастье людей старше 50 лет в европейских странах. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 6: 237–258.

Синявская О.В. (2020) Рожденные пандемией. *Россия в глобальной политике*, 18(5): 10–24.

Шабунова А.А., Барсуков В.Н. (2015) Тенденции демографического старения населения Российской Федерации и пути их преодоления. *Проблемы развития территории*, 1: 76–87.

Bengtson V.L., Gans D., Putney N.M., Silverstein M. (2009) Theories about age and aging. *Handbook of theories of aging*, 2: 3–23.

Biggs S., Hendricks J., Lowenstein A. (2020) *The need for theory: Critical approaches to social gerontology*. N.Y.: Routledge.

Boudiny K. (2013) 'Active ageing': from empty rhetoric to effective policy tool. *Ageing & Society*, 33(6): 1077–1098.

De São José J.M., Timonen V., Amado C.A.F., Santos S.P. (2017) A critique of the Active Ageing Index. *Journal of aging studies*, 40: 49–56.

Denzin N.K. (2017) *The research act: A theoretical introduction to sociological methods*. N.Y.: Routledge.

Formosa M. (2019) Active ageing in the fourth age: The experiences and perspectives of older persons in long-term care. *Geopolitical, Social Security and Freedom Journal*, 2(1): 78–92.

Formosa M. (2020) Activity theory as a foundation for active ageing policy: The Maltese experience. *Polish Social Gerontology Journal*, 18(1): 13–24.

Harris D.K. (2003) *The sociology of ageing*. 3rd ed. Lanham, MA: Rowman & Littlefield.

Havighurst R.J. (1963) Successful aging. *Processes of aging: Social and psychological perspectives*, 1: 299–320.

Knickman J.R., Snell E.K. (2002) The 2030 problem: caring for aging baby boomers. *Health services research*, 37(4): 849–884.

Kvale S. (1994) *Interviews: An introduction to qualitative research interviewing*. Newbury Park, California: Sage.

Lakomý M. (2021) The effect of roles prescribed by active ageing on quality of life across European regions. *Ageing & Society*: 1–25. <https://doi.org/10.1017/S0144686X21000726>.

Lemon B.W., Bengtson V.L., Peterson J.A. (1972) An exploration of the activity theory of aging: Activity types and life satisfaction among in-movers to a retirement community. *Journal of gerontology*, 27(4): 511–523.

North M.S. (2019) A gate to understanding “older” workers: Generation, age, tenure, experience. *Academy of Management Annals*, 13(2): 414–443.

Novak M. (2018) *Issues in aging*. N.Y.: Routledge.

Polivka L. (2011) Neoliberalism and postmodern cultures of aging. *Journal of Applied Gerontology*, 30(2): 173–184.

Principi A., Di Rosa M., Domínguez-Rodríguez A., Varlamova M., Barbabella F., Lamura G., Socci M. (2021) The Active Ageing Index and policy making in Italy. *Ageing & Society*, 1–26. <https://doi.org/10.1017/S0144686X21001835>.

Sidorenko A., Zaidi A. (2013) Active ageing in CIS countries: Semantics, challenges, and responses. *Current gerontology and geriatrics research*, 261819. <https://doi.org/10.1155/2013/261819>.

Versey S.H. (2015) Activity theory. In: Whitbourne S.K. (ed.) *The encyclopedia of adulthood and aging*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.

Wild K., Wiles J.L., Allen R.E. (2013) Resilience: Thoughts on the value of the concept for critical gerontology. *Ageing & Society*, 33(1): 137–158.

Zacher H., Kooij D.T.A.M., Beier M.E. (2018) Active aging at work. *Organizational Dynamics*, 47(1): 37–45.

SOCIAL ACTIVITY AND PARTICIPATION OF OLDER RUSSIANS IN THE CONTEXT OF ACTIVE AGEING

Oksana Parfenova (oparfenova2023@yandex.ru),
Konstantin Galkin (kgalkin1989@mail.ru)

Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Citation: Parfenova O., Galkin K. (2023) Sotsial'naya aktivnost' i uchastiye pozhilykh rossiyan v kontekste aktivnogo dolgoletiya [Social activity and participation of older Russians in the context of active ageing]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(1): 200–223 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.8>. EDN: MIXCWZ

Abstract. The article analyzes the social activity and participation of older people in the context of active ageing. The research task was to reconstruct the repertoire of social activity/participation of today's older Russians and the meanings they put into this activity, and to answer the question of how this activity fits into the concept of active aging (longevity). In the analysis, we focused on practices and the meanings attributed to them among the two age groups of informants. The results obtained were compared with the Active Aging Index (AAI) as the most popular tool for determining the activity of the older people. The empirical base consisted of 28 in-depth interviews with people over 60 years (14 with working and 14 with non-working). The data of our study demonstrate a much richer repertoire of social activity and participation of the older than the that is supposed to be calculated within the framework of the AAI. The repertoire of activity is influenced by age after 75+ forms of activity becomes less and it drifts towards private life (family, caring for grandchildren and relatives) «dacha» deals, leaving of lost opportunities. The older age 75+ do not try to return to their previous activities, but, on the contrary, strive for a daily routine and involvement in family affairs, as well as various daily activities and hobbies that allow them to feel involved in social life. Postponement of aging in the age 60+ group is associated with maintaining activity at the level of middle age and active replacement of lost activities of the employment. The prescriptive and formalized nature of the indexes (in particular, AAI) does not take into account the really existing wide repertoire of social activity and participation of the older, and also does not allow reconstructing individual meanings and values of activity and linking it all with overall life satisfaction.

Keywords: social activity of the older; active ageing; active ageing index; activity theory.

Acknowledgements

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation no. 22-18-00461 (<https://rscf.ru/en/project/22-18-00461/>).

References

Bengtson V.L., Gans D., Putney N. M., Silverstein M. (2009) Theories about age and aging. *Handbook of theories of aging*, 2: 3–23.

Biggs S., Hendricks J., Lowenstein A. (2020) *The need for theory: Critical approaches to social gerontology*. New York: Routledge.

Boudiny K. (2013) 'Active ageing': from empty rhetoric to effective policy tool. *Ageing & Society*, 33(6): 1077–1098.

De São José J. M., Timonen V., Amado C. A. F., Santos S. P. (2017) A critique of the Active Ageing Index. *Journal of aging studies*, 40: 49–56.

Denzin N.K. (2017) *The research act: A theoretical introduction to sociological methods*. New York: Routledge.

Elyutina M.E. Trofimova O.A. (2017) Odnokoe prozhivanie i perezivanie odinchestva v pozdnem vozraste [Living alone and experiencing loneliness at a late age]. *Zhurnal issledovaniy social'noy politiki* [Journal of Social Policy Research], 15(1): 37–50 (in Russian).

Formosa M. (2019) Active ageing in the fourth age: The experiences and perspectives of older persons in long-term care. *Geopolitical, Social Security and Freedom Journal*, 2(1): 78–92.

Formosa M. (2020) Activity theory as a foundation for active ageing policy: The Maltese experience. *Polish Social Gerontology Journal*, 18(1): 13–24.

Galkin K.A. (2022) Social'naya politika aktivnogo dolgoletiya v Rossii i gosudarstvakh vseobshchego blagosostoyaniya Evropy: opyt sravnitel'nogo analiza [The social policy of active longevity in Russia and the Welfare States of Europe: the experience of comparative analysis]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 15(2): 239–252 (in Russian).

Grigoryeva I., Bogdanova E. (2020) Koncepciya aktivnogo stareniya v Evrope i Rossii pered licom pandemii COVID-19 [The concept of active aging in Europe and Russia in the face of the COVID-19 pandemic]. *Laboratorium: zhurnal socialnykh issledovaniy* [Laboratorium: Journal of Social Research], 2: 187–211 (in Russian).

Grigoryeva I.A. (2018) Pozhilye zhenshchiny: «vниз po lestnice» vozrasta i genera [Older women: "down the ladder" of age and gender]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [A woman in Russian society], 1: 5–18 (in Russian).

Harris D.K. (2003) *The sociology of ageing*. 3rd ed. Lanham, MA: Rowman & Littlefield.

Havighurst R.J. (1963) Successful aging. *Processes of aging: Social and psychological perspectives*, 1: 299–320.

Kienko T.S. (2021) Vtorichnye sledstviya ogranichenij i izolyacii v usloviyah riskov COVID-19 dlya lyudej starshego vozrasta: sindemicheskij podhod [Secondary consequences of restrictions and isolation in the context of COVID-19 risks for older people: a synthetic approach]. In: *Sohranenie zdorov'ya naseleniya kak global'naya problema sovremenosti: mat. mezhdunar. mezhdistsip. nauch.-praktich. konf.* [Preservation of public health as a global problem of our time: Mat. intl. interdisciplinary scientific-practical. conf]. Omsk: Rus: 116–119 (in Russian).

Knickman J.R., Snell E.K. (2002) The 2030 problem: caring for aging baby boomers. *Health services research*, 37(4): 849–884.

Kolosnitsyna M.G., Horkina N.A. (2016) Gosudarstvennaya politika aktivnogo dolgoletiya: o chem svidetel'stvuet mirovoj opyt [The state policy of active longevity: as evidenced by the world experience]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic overview], 3(4): 27–46 (in Russian).

Kvale S. (1994) *Interviews: An introduction to qualitative research interviewing*. Newbury Park, California: Sage.

Lakomý M. (2021) The effect of roles prescribed by active ageing on quality of life across European regions. *Ageing & Society*, 1–25. <https://doi.org/10.1017/S0144686X21000726>.

Lemon B.W., Bengtson V.L., Peterson J.A. (1972) An exploration of the activity theory of aging: Activity types and life satisfaction among in-movers to a retirement community. *Journal of gerontology*, 27(4): 511–523.

North M.S. (2019) A gate to understanding “older” workers: Generation, age, tenure, experience. *Academy of Management Annals*, 13(2): 414–443.

Novak M. (2018) *Issues in aging*. New York: Routledge.

Ovcharova L.N., Morozova M.A., Sinyavskaya O.V. (2020) *Koncepciya politiki aktivnogo dolgoletiya: nauchno-metodologicheskij doklad k XXI Aprelskoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva* [The concept of active longevity policy: a scientific and methodological report for the XXI April International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development]. Moscow: National Research University “Higher School of Economics” (in Russian).

Ovcharova L.N., Morozova M.A., Sinyavskaya O.V. (2020) *Koncepciya politiki aktivnogo dolgoletiya* [The concept of active ageing policy]. Moskva: Izdatel'stvo Vysshej shkoly ekonomiki (in Russian).

Polivka L. (2011) Neoliberalism and postmodern cultures of aging. *Journal of Applied Gerontology*, 30(2): 173–184.

Principi A., Di Rosa M., Domínguez-Rodríguez A., Varlamova M., Barbabella F., Lamura G., Socci M. (2021) The Active Ageing Index and policy making in Italy. *Ageing & Society*, 1–26. <https://doi.org/10.1017/S0144686X21001835>.

Shabunova A.A., Barsukov V.N. (2015) Tendencii demograficheskogo stareniya naseleniya Rossijskoj Federacii i puti ih preodoleniya [Trends in demographic aging of the population of the Russian Federation and ways to overcome them]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory development], 1: 76–87 (in Russian).

Sidorenko A., Zaidi A. (2013) Active ageing in CIS countries: Semantics, challenges, and responses. *Current gerontology and geriatrics research*, 261819. <https://doi.org/10.1155/2013/261819>.

Sinyavskaya O.V., Chervyakova A.A., Kareva D.E. (2019) Pomogayushchie i schastlivye? Vliyaniye social'noj aktivnosti na schast'e lyudej starshe 50 let v evropejskikh stranah [Helpful and happy? The impact of social activity on the happiness of people over 50 in European countries]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Public opinion monitoring: economic and social changes], 6: 237–258 (in Russian).

Versey S.H. (2015) Activity theory. In: Whitbourne S.K. (ed.) *The encyclopedia of adulthood and aging*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.

Wild K., Wiles J.L., Allen R.E. (2013) Resilience: Thoughts on the value of the concept for critical gerontology. *Ageing & Society*, 33(1): 137–158.

Zacher H., Kooij D.T.A.M., Beier M.E. (2018) Active aging at work. *Organizational Dynamics*, 47(1): 37–45.